

ОТ РЕДАКЦИИ

В истории русской литературы одним из самых сложных и противоречивых периодов является время конца XIX — начала XX в., когда под влиянием больших социальных сдвигов и потрясений происходит решительная переоценка многих прежних литературных ценностей и позиций, идут интенсивные поиски новых путей в искусстве, нового содержания и новых форм, усиливается и обостряется литературная борьба, складываются новые, часто антагонистические литературные школы и направления.

Советское литературоведение за последние десятилетия сделало немало для осмысления этого важного этапа в развитии русской литературы. Здесь нужно в первую очередь назвать коллективные труды Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (трехтомник «Русская литература конца XIX — начала XX века», 1969—1972; книгу «Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX века», 1975; четырехтомник «Русская литература и журналистика конца XIX — начала XX века», 1981—1984), а также 4-й том «Истории русской литературы», подготовленный Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) АН СССР (Л., 1983). В настоящее время выдвигается задача дальнейшего, более глубокого изучения этой эпохи.

Свой вклад в изучение указанного периода внесло и «Литературное наследство». Несколько его томов посвящено крупнейшим представителям названной эпохи: Горькому, Бунину, Л. Андрееву, Блоку, Маяковскому, Луначарскому. В этом ряду с полным правом находится и имя Валерия Брюсова, чья роль в истории русской поэзии и художественной прозы, критики и литературоведения, журналистики и переводческого искусства была очень значительной.

Творчество Брюсова не принадлежит к числу литературных явлений, обойденных вниманием издателей и исследователей. За последние два десятилетия появилось семитомное собрание сочинений Брюсова (1973—1975), был выпущен ряд сборников его стихотворений, художественной прозы, критических статей. Издана библиография, составленная Э. Даниелян (1976) и пополненная в 4-м выпуске серии «Русские советские писатели. Поэты» (1981). В Ереване регулярно выходят сборники «Брюсовских чтений», следует упомянуть и другую серию «Брюсовских сборников», издававшуюся в Ставрополе (1974—1977) под редакцией В. С. Дронова.

В изучении брюсовского творчества приняло участие и «Литературное наследство». Еще в томе 15 в статье И. Г. Ямпольского рассматривалась тема «Валерий Брюсов и первая русская революция». В томе 27—28 (1937), посвященном русскому символизму, был дан обзор неопубликованного брюсовского наследия и помещены публикации некоторых его материалов. Целиком Брюсову был отдан том 85-й (1976), в котором представлены и неизданные тексты Брюсова — поэта, прозаика, критика, — и его письма, и воспоминания о нем.

Однако брюсовское наследие далеко не может считаться полностью собранным и изученным: Еще при жизни поэта, до революции, готовилось и начало издаваться 25-томное «Полное собрание сочинений и переводов» Брюсова (вышло всего 8 томов, 1913—1914). Но и спустя 60 лет после его смерти этот замысел не осуществлен. До сих пор нет ни научной биографии Брюсова, ни крайне необходимой летописи его жизни и творчества. Исследование биографии и деятельности поэта в полном объеме затрудняется недостаточной изученностью таких хранящихся в архивах материалов, как его рабочие тетради, записные книжки и т. п.

Ценнейшую часть брюсовского наследия составляет его переписка. Значение писем, как документов чрезвычайной важности для изучения трудов и дней писателя, его мировоззрения, его эстетических и общественных взглядов, его взаимоотношений с современниками, как комментария к его творчеству, не подлежит сомнению. В отличие от воспоминаний письма фиксируют подлинные события без примеси более поздних размышлений и оценок.

Заметим, что сам Брюсов придавал значение своим письмам не только как средству общения с теми или иными корреспондентами. Еще в 90-е годы он намечал издание книги, которая состояла бы из его писем.

Брюсов, как правило, тщательно работал над своими письмами, писал их часто с черновиками, переносил многие формулировки и целые куски в письма к другим адресатам, включал их в свой дневник. Письма порой были для него как бы лабораторией, в которой шлифовалась его мысль.

К сожалению, в семитомном собрании сочинений Брюсова не нашлось места даже для его избранных писем. Разумеется, немалая часть переписки Брюсова уже опубликована как в «Литературном наследстве» (письма к Горькому, Вяч. Иванову, Андрею Белому, Верхарну

и др. — в т. 85, к Бунину — в т. 84, к Блоку — в т. 92), так и в других изданиях (начиная с книги «Письма к П. П. Перцову», 1927). Но в архивах остаются большие массивы неопубликованной брюсовской переписки. Вести в научный и читательский обход еще ряд наиболее значительных эпистолярных комплексов, связанных с Брюсовым, — задача настоящего тома.

В нем представлена переписка разных периодов творческого пути Брюсова от 90-х годов до послеоктябрьской эпохи. Составители стремились, как правило, давать двустороннюю переписку. Исключение представляет переписка с М. Самыгиным, но тексты его писем широко используются в комментариях.

В отдельных случаях, когда почти не сохранились письма самого Брюсова, пришлось ограничиться письмами корреспондентов (они часто помогают читателю понять и характер утерянных писем поэта).

Кроме монографических, персональных публикаций переписки Брюсова с отдельными адресатами, в томе представлены и две сводные публикации: одна содержит тексты писем Брюсова, находящиеся в его рабочих тетрадях 1890-х годов, вторая охватывает переписку советской эпохи.

Публикуемая в томе переписка важна и интересна в самых разных аспектах, начиная с чисто биографического. Собранные здесь письма проясняют многие недостаточно исследованные факты и обстоятельства биографии поэта (укажем в качестве примера хотя бы на глубокий духовный и душевный кризис, приходящийся на 1896—1897 гг., когда Брюсов мучительно страдал от сознания, что у него нет настоящей цели в жизни).

Переписка дает возможность полнее и отчетливее понять идейно-психологический облик Брюсова, человека и поэта, почувствовать его сложность и многогранность. Например, ознакомление с лирическими, очень откровенными, порой психоведальными письмами молодого Брюсова, адресованными его близким друзьям — К. Бальмонту, А. Курносиному, М. Самыгину и др., — позволяет внести коррективы в традиционное, расхожее представление о нем как о человеке только рассудочном, сугубо рационалистического склада, раскрывает глубокую эмоциональность его натуры, борение страстей в нем. «Рассудка вечные устои» в моей душе очень глубоко, — но тем сладостней их свергать», — пишет Брюсов И. Коневскому (п. 50).

Брюсова часто представляют исключительно книжником, мало соприкасавшимся с живой жизнью. Он и сам говорил Горькому о себе, что прожил двадцать лет среди книг и только книг. Письма вносят поправку и в это распространенное мнение. Вот маленький пример. В 1899 г. Брюсов сообщал Коневскому: «Были праздники, и я блуждал в толпе, которую очень люблю, настоящую смешанную толпу, где и пьяные, и нищие, и изящные дамы» (п. 2), а в письме к Самыгину он утверждает: «Я люблю жизнь, обыкновенную, общую, хотя, правда, больше как наблюдатель» (п. 3).

Эпистолярное наследие Брюсова показывает его во всем многообразии жизненных и творческих интересов и стремлений, в непрерывных исканиях своего пути. Для него характерна постоянная переоценка своих взглядов, пересмотр своих позиций, неудовлетворенность достигнутым. Так, в письме к Бальмонту он сурово оценивает раннюю редакцию своей книжки «О искусстве»: «Как все это оказалось и бледно, и несмело, и совсем не то, что нужно. И еще одно заблуждение, и еще одна недостигнутая цель, — и много их, много в прошлом» (п. 31).

Письма наглядно раскрывают плюрализм и протезизм Брюсова, его артистическую склонность к перевоплощению в жизни и творчестве. Например, он сообщает Бальмонту в 1901 г.: «После этого года, в который математически изучал безумие, буду превращать себя в кузнеца и Флобера» (п. 48).

По наряду с непрерывной изменчивостью облика Брюсова («внешнею одно — не быть неизменным», — утверждает он в переписке с Самыгиным — п. 21) письма демонстрируют и многие постоянные для него черты, и прежде всего его страстную любовь к литературе, к поэзии, безграничную увлеченность творческой работой, неутомимым трудом над словом, образом, стихом, его неустанные поиски нового в содержании и форме искусства, его последовательное отталкивание от всякого шаблона, трафарета, его требовательность к себе и другим. И все это проявляется уже с самых молодых лет.

Характерно, например, одно из писем 1896 г. к Е. И. Павловской, в котором перечисляется, чем занят в это время Брюсов-студент. Он пишет «шекспировскую» трагедию («Марк Антоний», «Историю русской лирики» (и в ней разбирает стих у Ломоносова и его современников), переводит «Энеиду», пишет повесть «Медиум», «Рассказы Ужаса», поэму «Смерть Эдгара По», статью о любви, заметки о современных французских и русских поэтах, изучает оккультизм для книги о «гениях», составляет конспекты древней истории, продолжает университетские занятия Ливием, Локком и Пестором. И так на протяжении всей жизни, вплоть до последнего, 1924-го года, когда, называя в одном из писем разные свои службы и занятия — литературные, редакторские, административные, педагогические, общественные, — он констатирует, что занят почти 20 часов в сутки. Недаром, характеризуя свою повседневную работу, Брюсов употребляет выражения «водоворот» или «круговорот».

Письма убедительно подтверждают справедливость, верность оценок, данных Брюсову М. Горьким, в частности его известных слов, обращенных к поэту: «Я не знаю в русской литературе человека, более деятельного, чем Вы. Превосходный Вы работник!».

Постоянным свойством Брюсова на протяжении всей его жизни является и готовность прийти на помощь молодым литераторам, всячески поддержать их.

Из переписки мы видим, что к Брюсову тянутся, ищут его поддержки, хотя зная его мнение о своих стихах многие молодые стихотворцы, такие начинающие поэты из народной среды, из социальных низов, как рабочий-гравер Авенер Ноздрин. Брюсов воспринимается как большой литературный авторитет целым рядом его корреспондентов-литераторов. Некоторые из них, очень различные по характеру своего творчества (Н. Гумилев, Б. Садовской, И. Эренбург, В. Шершеневич, К. Чуковский и др.), прямо называют его в письмах своим учителем, мэтром, наставником. «В Ваши руки отдал я развитие моего таланта», заявляет Гумилев (п. 5). А. Ремизов говорит о значении «руководительства» Брюсова «для всей русской литературы» 900-х годов (п. 75). О Брюсове как «установителе законов» в литературе пишет М. Волошин (п. 69). Все эти высказывания свидетельствуют о значительности влияния Брюсова на многих представителей русской поэзии начала века, о том, скольких поэтов он поддержал и ввел в литературу.

Поскольку в настоящем томе дается переписка главным образом между литераторами, неудивительно, что основной темой ее является литература, литературная жизнь, вопросы художественного творчества. Конечно, в письмах затрагивались и другие темы: и философские искания (особенно в переписке с М. Самыгиным), и нравственные проблемы, и впечатления от поездок и путешествий, и семейные дела, повседневная жизнь с ее мелочами. Письма дают некоторое представление и об общественных настроениях Брюсова, например о его предчувствиях грядущих социальных потрясений («О, придут не китайцы, избиваемые в Тьенцзине, а те — более страшные — втопанные в шахты и втиснутые в фабрики» — переписка с Коневским, п. 41). Но на первом плане оставалась литература, поэзия, и некоторые письма представляли собой «поток стихов и споров о стихах» (переписка с Курсинским, п. 55), порой письма как бы превращались в своего рода литературно-критические статьи, рецензии. К. Чуковский имел основание говорить о проявлявшейся в переписке Брюсова его «одержимости литературой».

В письмах Брюсова, являвшегося ненасытным читателем, содержится упоминания и оценки множества литературных явлений разных времен и народов от античности до современности. При этом бросается в глаза чрезвычайная широта брюсовского подхода к художественному творчеству. «Я люблю и старика Гомера, и уточненного Вергилия, реторику Гюго и умеренные намеки Малларме, — пишет он Коневскому — (...) Хочу, чтобы мне не было чуждым — ничего» (п. 6).

Порой эти оценки и высказывания раскрывают Брюсова с каких-то новых, непривычных сторон. Так, например, в письме к тому же Коневскому мы находим такое неожиданное высказывание о знаменитом романе Чернышевского: «Недавно прочел я (впервые в жизни) когда-то столь читаемое “Что делать”». Во мне есть пути, на которых я схожусь с крайностями шестидесятых годов. Я люблю их буйство и ниспровержение всех кумиров, разрешение всяческих свобод» (п. 26). Действительно, молодой Брюсов готов был иногда выступить в роли ниспровергателя классиков, их авторитета. В 1898 г., например, он пишет Бальмонту: «Читал и смотрел Шекспира; окончательное мнение — поэт пережитой, устаревший, “исторический”» (п. 39). Однако это была больше бравада молодого человека, порой склонного к выпадкам против общепризнанного и укоренившегося, чем серьезная оценка. Вообще же Брюсову был чужд авангардистский нигилизм в отношении предшествующей литературы. «Новое направление в поэзии, — пишет он в одном из ранних писем, — органически связано с прежними». И Брюсов подкрепляет свое утверждение стихотворной цитатой: «Не разрушать закон пришли мы, не осмеять его жреца. В заветах новых невредимы искусств основы до конца» (*Тетради*, п. 9).

Вне сравнения со всеми другими художниками слова для него всегда оставался Пушкин. «Это он наш неизменный, — восклицает Брюсов в письме к Бальмонту от 17 мая 1897 г. — Ведь он наш? Отрекайтесь, ищите, создавайте кумиров — мы вернемся к нему, к Единому (...) Великий! мы поклоняемся тебе» (п. 20). Такое преклонение перед Пушкиным характерно для Брюсова и 90-х годов, и последних лет его жизни.

Неудивительно, что Брюсов как историк литературы с особым увлечением занимался исследованием жизни и творчества Пушкина. Эта сторона его деятельности находит отражение в публикуемой переписке с П. Е. Щеголевым. «Как важно и как радостно, — писал Брюсов своему соратнику в области пушкиноведения, — что изучение Пушкина, наконец, стало на научную почву, что от общих фраз совершился переход к собиранию фактов и серьезному сопоставлению данных!» (п. 14).

Особенно часто в переписке идет речь о современных Брюсову писателях, далеких и близких ему, русских и иностранных.

Брюсов обнаруживает знакомство почти со всей текущей русской литературой и множеством явлений литературы западноевропейской, вплоть до какого-нибудь третьестепенного французского «поэтика». В поле зрения Брюсова постоянно находятся самые разные жанры, включая драматургию. Поэтому к нему как знатоку обращается, например, А. Ремизов по вопросу о пьесах новых зарубежных драматургов, подходящих для современного театрального репертуара. И Брюсов дает квалифицированный совет, называя и характеризую произведения не только Верхарна, Гамсуна, Метерлинка, Д'Аннунцио, Стриндберга, но и второстепенных авторов вроде Самена или С. Пелладана.

Мы находим у Брюсова и восхищение и возмущение читаемыми произведениями. И его оценки тех или иных писателей, как положительные, так и отрицательные, помогают лучше понять его самого, его эстетические критерии.

По письмам мы можем иногда проследить, как менялось, как складывалось отношение Брюсова к тому или другому писателю. Так, по переписке с Конеvским мы видим, как на протяжении 1899 г. шла по нарастающей линии оценка Верхарна. Если в начале года Верхарн для него еще «слишком бледный, слишком длинный, слишком обдуманный» (п. 2), то во второй половине года Брюсов уже пишет: «Теперь знаю, что он великий поэт» (п. 18). А в письме к Курсинскому он мотивирует, почему он причисляет Верхарна к «первым из современников моих, наших»: «Verhaegen написал книгу о городе, о которой мы мечтали все. Я не завидую, а радуюсь. Он велик, ибо он наш» (п. 55).

В литературных симпатиях и антипатиях Брюсова проявляется устойчивая закономерность. Так, он беспощадно ироничен по отношению к литераторам эпигонского типа вроде В. Величко.

Заинтересовавшись вначале поэзией Мирры Лохвицкой, он через некоторое время в письме к Бальмонту пересматривает свою оценку ее стихов: «Все это трафарет, новые трафареты поэзии, все те же боги Олимпа, те же Амуры, Псиши (...) но в новой одежде. Нет, не этого нужно, не этого. Лучше не писать. Или уж так необходимо повторять свои заученные молитвы?» (п. 26).

Письма Брюсова дополняют его облик как литературного критика, умеющего давать меткие характеристики и оценки литературных явлений. Вот, к примеру, одна из выразительных характеристик Бальмонта, содержащаяся в письмах к нему 1905 г.: «Ведь для Тебя, все равно, что Мексика, что Париж, что Иваново. Ты — сам в себе; Твоя вселенная — в Тебе. Помнишь: — Ты верно изобразил лишь одну страну: ту, которой никогда не видал, — Исландию. Да, конечно, Ты напишешь стихи о Мексике, но мог бы их написать и не переплывая Атлантики. Ты вне времени и вне пространства. Ты столь же современник Августа и Горация, как мой и Ницше» (п. 107).

Суждения Брюсова-критика и в письмах обычно отличаются требовательностью, строгостью и прямоотой. Так, в 1895 г. он писал П. Перцову: «Бальмонту ясный предел положен — лирика любви и второстепенных настроений — никогда он не затронет таких тем, как Тютчев и Фет» (*Тетради*, п. 26). Этой откровенной оценке не могла помешать и возникшая дружба с Бальмонтом. «Оценивая поэтические произведения, я никогда не позволяю себе лгать, — заявляет Брюсов, — ни ради вежливости, ни ради лести — одним словом, ни в каком случае. Конечно, я могу ошибаться, но всегда искренно говорю свое мнение» (*Тетради*, п. 32).

Неудивительно, что корреспонденты Брюсова очень дорожили его письмами. «Как люблю Ваши письма, трезво и определенно ставящие все на свое место», — писал Брюсову С. Городецкий (*ГБЛ*. Ф. 386, 83, 36).

Заметим, что, строго оценивая многие литературные произведения, Брюсов сам был готов выслушивать критические высказывания о своем творчестве. Он с нетерпением ждал, например, от Конеvского «упреков и осуждений» по своему адресу; по его определению, это «наиболее любопытное, что я могу искать» (п. 48).

В переписке отражается и высокая оценка корреспондентами Брюсова его деятельности как редактора. Вот что писал ему Волошин: «Вы идеальный редактор — в то время, когда я пишу Вам: „вычеркните те-то три строчки“, Вы, еще не получив письма, пишете, что Вы их вычеркнули» (п. 17). Для понимания редакторского такта и редакторского искусства Брюсова много дает, например, его письмо к Волошину, связанное с редактированием статьи последнего «Скелет живописи»: «Я старался сделать, как умел лучше и именно так, как сделали бы Вы сами, будь корректура в Ваших руках. Я старался войти в Вашу душу, говорить Вашими словами, мыслить Вашими мыслями. (Все это, однако, пусть Вас не слишком пугает: поправки почти исключительно состояли в перестановках, прибавлена мною — для связи — кажется, одна фраза)» — п. 10.

Переписка Брюсова насыщена множеством литературно-творческих вопросов, начиная с вопроса о содержании поэзии. Уже в 90-е годы он стремится преодолеть традиционную узость поэтической тематики. В связи с этим он пишет Бальмонту: «Мир чувств — слишком ограничен: от любви и восторга до нелюбви и отчаяния... слишком недолгий путь (...) И потом повторение. Поэзия, которая знает только эти настроения, — утомительная» (*Тетради*, п. 75). Разбирая в 1895 г. сборник «Молодая поэзия», Брюсов выражает его составителю П. П. Перцову свою неудовлетворенность: «Неужели же душу наших поэтов не трогает ничего, кроме любви» (*Тетради*, п. 26).

Вырываясь из круга узкоиндивидуалистических мотивов, Брюсов признается Курсинскому: «Странно! Я начинаю ненавидеть лирику. В ней все однообразно и подражательно. Теперь, если я пишу, то это поиски нового в содержании ли, в форме ли» (п. 2).

Столь же неприемлемы были для Брюсова штампы и шаблоны в других жанрах, например в романе. Вот как он объясняет Курсинскому, почему отказывается писать роман: «Я считаю нашу форму романа рядом условностей, рядом разнообразных трафаретов. Мне смешно водить за ниточки своих марионеток, заставлять их делать различные движения, чтобы только читатели вывели из этого: а, значит у него (у героя) вот какой характер» (п. 27).

Часто обращается Брюсов в письмах и к вопросам стихосложения, рассматривая особенности ритмики и метрики тех или иных поэтов, связь стихотворных размеров с содержанием. Здесь мы встретим порой его осуждение характерных для эпигонской поэзии конца XIX в. чрезмерной ритмической гладкости и однообразности. «Почему Вы пишете правильным размером? — спрашивает Брюсов Конеvского. — Неужели красиво это позорное и утомительное чередование ударений и quasi-ударений (...) Я призываю Вас и всех, с кем говорю, бороться против этих ненужных стеснений» (п. 2). А единственное сохранившееся письмо к

Поэзрию превращается в своего рода «маленький трактат» (говоря словами самого Брюсова) о точных и неточных, «неверных» рифмах и о недопустимости слишком вольного обращения с размером.

К темам, которые затрагиваются в переписке Брюсова, принадлежит и искусство художественного перевода. В этом отношении существенно письмо к А. Н. Тихонову, содержащее разбор перевода на русский язык произведений Ганса Сакса. Брюсов предъявляет к переводчику серьезные требования. Его не удовлетворяет, если «перевод в общем верен, т. е. передает правильно *смысл* подлинника, и совсем не передает, *как* все это сказано у Сакса». В этом случае, делает вывод Брюсов, «перевод *весь* неудачен: форма изменена, текст обесцвечен» (п. 24).

Обсуждению вопросов перевода много места уделяется и в переписке с Коневским и Волошиным.

Брюсов постоянно говорит в письмах и о своей писательской работе, касается тех или иных особенностей своего творческого процесса, например упоминает о привычке «работать по корректурам». «В своих книгах я нередко возвращаю в типографию совсем другое, чем то, что стояло в рукописи, с этой стороны меня уже знают и «боятся» в московских типографиях» (Переписка с Тихоновым, п. 17).

В письмах раскрываются и некоторые неосуществленные и незавершенные замыслы Брюсова. Мы узнаем, например, какой была задумана его статья «Поэзия 95 года»: «Это не столько критическое, сколько полемическое сочинение, не столько изучение современной поэзии, сколько проклятия и гимны, проповедь всего нового, во что я верю, автобиографические вставки и лирические отступления...» (Переписка с Куринским, п. 11).

Показательны и брюсовские самооценки. Например, он считает «совершеннейшими» такие свои стихотворения, как «Работа» и «Каменщик», и это подчеркивает их принципиальный, программный для поэта характер.

Эпистолярное наследие Брюсова дает богатый материал для характеристики его деятельности как организатора литературной жизни, как руководителя и участника ряда журналов и изданий, от юношеских сборников «Русские символисты» до органа ЛИТО Наркомпроса «Художественное слово», а тем самым становится важным источником для изучения литературного процесса конца XIX — первой четверти XX в., и прежде всего для истории русского символизма от его зарождения до распада.

Переписка с владельцем издательства «Скорпион» С. А. Поляковым документирует историю издательства и основного органа символистов — журнала «Весы». Переписка с М. Волошиным отчетливо показывает, как налаживалось сотрудничество этого журнала с зарубежными, в основном французскими, литераторами и художниками. Многочисленные упоминания их имен в десятках писем Брюсова, Коневского, Волошина и пр. помогают нам гораздо полнее представить себе связи русских символистов с западноевропейской культурой.

В письмах к тому же Волошину раскрывается и редакторская линия Брюсова в «Весях», в частности в библиографическом отделе журнала: «Желание у нас не столько говорить о новых книгах, сколько по поводу новых книг высказывать свои взгляды на искусство». Нам важна не полнота библиографического отдела, а его боевой характер» (п. 30). Но при всей полемичности Брюсова по отношению к своим литературным противникам он был чужд узкого сектантства. Как редактор, он проявлял большую широту, не считая символистское направление единственно нужным и возможным в современной поэзии. Даже в начале своей литературной работы, готовя сборники «Русские символисты», он пишет: «Мне важно, чтобы в одном издании были соединены поэты разных школ и направлений» (*Тетради*, п. 9). Эту линию на соединении «всех тех, кто в самом деле чит и любит искусство», он часто проводил впоследствии на разных этапах — и в начале 900-х годов при создании альманаха «Северные цветы», и в советское время при редактировании «Художественного слова».

По материалам переписки можно проследить, как постепенно видоизменялись литературные взгляды и позиции Брюсова, как появлялись новые, не совпадающие с символистско-декадентскими устремления.

Характерно, что уже в 90-е годы он ищет в творчестве путей к реальной действительности. Так, в одном из писем 1898 г. он признается: «Я хочу написать плохой роман действительной жизни. Мне так хочется жизни, какойнибудь действительной жизни» (*Тетради*, п. 74). А в следующем году он говорит в письме к Бальмонту о пересмотре не только эстетических, но и этических основ декадентско-модернистского искусства, заявляет, что давно осудил «всю внешнюю прелесть нового, уже ставшего старым, все эти освобождения от добра, прелесть неверности...» (п. 45).

В переписке Брюсова отражается весь большой путь, проделанный им за тридцать лет.

У истоков этого пути мы находим обращение молодого поэта к Полю Верлену. В исполненных чрезвычайного почтения к основоположнику французского символизма письмах Брюсов называет себя «робким новичком как в поэзии, так и в своем декадентстве» (*Тетради*, п. 1). А начало последнего десятилетия его жизни, наполненного великими событиями, заставившими его «в самой основе, в самом корне пересмотреть все свое мировоззрение» (*ЛН*. Т. 27—28. С. 472), отмечено тесными письменными контактами с ближайшим помощником М. Горького А. Н. Тихоновым (Серебровым). Развивается и укрепляется сотрудничество с великим пролетарским писателем и его изданиями: «Я и фактически и мысленно связал во многом свою жизнь и судьбу с «Парусом» и «Летописью»» (п. 33). В этой переписке подробно раскрывается история создания задуманных и частично осуществленных сборников по на-

циональным литературам (латышской, финской, украинской и др.), являвшихся общим делом Горького и Брюсова.

И если еще в 1916 г. он заявляет: «Я давно отгородил себя как писателя от политики и общечеловечности (...) Разумеется, как любой, сколько-нибудь мыслящий человек, я не могу не интересоваться этими вопросами, но убедился, что мое дело — искусство, поэзия, наука: остальное за моими пределами» (п. 22), то вскоре он решительно переступает эти пределы, всем своим существом устремляясь к общечеловечности и в поэтическом творчестве и в практической деятельности. На новых путях Брюсов находит новые силы, новый подъем. «Именно теперь, — пишет он Тихонову, — (...) я с каждым днем чувствую себя все лучше и все бодрее и, право, испытываю такой наплыв сил и такое желание работать, каких не ведал уже в течение ряда лет, с эпохи задолго «до войны». Попытаюсь и оправдать такое свое утверждение на деле, в самом ближайшем будущем» (п. 22). Выход этим устремлениям Брюсова дал Великий Октябрь. Подборка писем советского периода дает представление о некоторой части многочисленных дел Брюсова послереволюционных лет, о том, с какими различными учреждениями и лицами он был связан, принимая участие в работе Наркомпроса, Книжной палаты, Государственного издательства, ВЛХИ, журналов «Художественное слово», «Печать и революция» и др.

Каждый писатель как творческая личность может быть по-настоящему понят, если мы рассматриваем его не изолированно, а в контексте его времени, в разных связях и опосредствованиях, в отношениях — биографических и творческих — с его современниками.

Публикуемая переписка как раз и показывает Брюсова в окружении его современников, раскрывает личные и творческие взаимоотношения с рядом литераторов, различных по значительности своего дарования и степени известности. Среди них и те, кто, по признанию самого Брюсова, оказал заметное влияние на становление его творческой личности (это прежде всего Бальмонт и Коневской), и временные его попутчики, молодые поэты, учившиеся у Брюсова и затем пошедшие по своим путям.

В переписке отчетливо проявляется и настойчивое стремление Брюсова объединить, сплотить, сблизить всех тяготеющих к «новому искусству», и полемика со своими соратниками, нередко заканчивающаяся полным разрывом. В ряде случаев мы видим, как Брюсов все более расходится со своими вчерашними союзниками, отмежевывается от них, перестраивает рамки одного направления. Готовый в конце 1902 — начале 1903 г. активно участвовать в органе Мережковских «Новый путь», он уже в августе 1903 г. солидаризируется с бальмонтской характеристикой их журнала: «Это — помойная яма, недостаточно глубокая, чтобы иметь прелесть отвратительности» (Переписка с Ремизовым, п. 18).

Подавляющее большинство корреспондентов Брюсова (даже из числа второстепенных деятелей литературы и журналистики) представляет самостоятельный историко-литературный интерес. Между тем все они до сих пор мало изучены, а некоторые из них почти совершенно не привлекали исследовательского внимания. Включенные в том их письма, сопровождаемые обстоятельным исследовательским комментарием, расширяют и уточняют представление о личности и творческом облике каждого из них, а в результате и о литературном процессе эпохи, участниками которого они являлись.

Так, например, из переписки с Брюсовым (и сопровождающей ее статьи А. В. Лаврова) отчетливо вырисовывается оставшаяся известной лишь в узком литературном кругу фигура И. Коневского, раскрываются его философские и литературные взгляды, проясняется то, что сблизало и разделяло обоих поэтов.

На страницах тома впервые осмысливается простотой жизненный и творческий путь такого заметного в свое время и забытого теперь беллетриста, как Марк Кришницкий (М. В. Самыгин), проделавшего эволюцию от «проповедника неохристианства» и защитника идеи «свободной любви» до советского литератора, пишущего в начале 20-х годов агитационные пьесы.

Переписка между Брюсовым и Бальмонтом показывает их сложные отношения, их взаимное тяготение и отталкивание, их дружбу-вражду, дружбу-соперничество, закончившуюся давно уже наметившимся расхождением двух популярнейших поэтов русского символизма. Письма добавляют немало существенных черт к характеристике человеческого и литературного облика Бальмонта, в частности знакомят нас и с его неожиданно острыми оценками явлений современной общественной жизни. Вот что пишет он, например, в 1905 г., резюмируя свои впечатления от Мексики и ее столицы: «Город приезжих прожорливых белоликих и обнищавших последних ацтеков, пьющих свою пульку в вонючих кварталах. Рвань, нищета, голоножье (...) О тень Кортеса, христианского мусульманина, уничтожавшего изваянные сны ацтеков и тольтеков! Да будут прокляты завоеватели, не шадящие камня...» (п. 106).

Среди малоизученных фигур брюсовских корреспондентов по-новому раскрывается привлекательный образ одного из зачинателей пролетарской поэзии — Авенира Ноздрина. В его письмах содержатся живые факты, помогающие во всей конкретности увидеть некоторые пути формирования так называемой народной интеллигенции тех лет, настойчивое стремление в рабочей среде к образованию, просвещению, культуре, приводившее отдельных ее представителей к знакомству и с «новой поэзией».

Настоящий том содержит большой материал для характеристики не только непосредственных корреспондентов Брюсова, но и многочисленных третьих лиц. Так, из писем Ремизова мы получаем дополнительные сведения о режиссерской деятельности Вс. Мейерхольда в провинции.

Характеристике персонажей тома способствуют и приложения, сопровождающие некоторые разделы. В них даются неопубликованные статьи, стихи, воспоминания, связанные с темой данного раздела, письма к третьим лицам и т. п.

В настоящий том, разумеется, невозможно было вместить все неизданное эпистолярное наследие Брюсова. За пределами тома остались, например, его письма к жене, к родным. Следовало бы издать отдельной книгой чрезвычайно содержательную переписку с П. П. Перцовым, которая опубликована только в отдельных ее частях, без ответных писем брюсовского корреспондента и без комментариев.

Однако и собранное в данном томе представляет обильный материал для изучения жизненного и творческого пути Брюсова и для характеристики литературной жизни рубежа и первой четверти XX в.

Документальную основу настоящего тома составили материалы, хранящиеся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, а также в фондах Центрального государственного архива литературы и искусства СССР, Рукописного отдела Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР и Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Ряд материалов (в том числе иллюстративных) предоставлен и другими учреждениями: Государственным литературным музеем, Архивом А. М. Горького, музеем А. М. Горького, Государственной Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Историческим государственным архивом г. Москвы, Историческим архивом г. Ленинграда, Центральным архивом кино-фото-фонодокументов (Ленинград).

Всем им редакция «Литературного наследства» выражает свою глубокую признательность.

Редакция благодарит также тех лиц, которые помогали в подготовке данного тома и своими советами, и сообщениями неопубликованных документов: Т. Бочковскую, Н. Д. Бруни-Бальмонт, Н. А. Кайдалову, И. В. Корецкую, С. К. Кульяс, Т. Б. Кустодиеву, В. Я. Мордерер, И. В. Платонову-Лозинскую, С. Н. Полозкову, В. И. Прудникова, Л. С. Резника, И. С. Черноуцана.

Большую и многогранную работу по созданию и редактированию тома выполнила Ю. П. Благоволina. В редакторской работе над томом участвовала и О. Ю. Ускова. Ею, в частности, подобраны иллюстрации и составлены подписи к ним. Фотографии изобразительных материалов, отобранных для иллюстрирования, выполнены В. И. Столяровым.